

Н.С. Розов

Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета

Представленный концептуальный аппарат объединяет ментальные и социальные реалии, группы, институты, позиции, ресурсы, интерактивные ритуалы, макро-, мезо-, микро-, ультра-микро- уровни социального взаимодействия. Аппарат разработан специально для исследования ментальной динамики (интериоризация символов и фреймов как схем реальности, рефрейминг и т.д.), социальной динамики (изменения определенных групп, институтов, иерархий, сетей, рынков), а также исторической динамики (решающие события, основные процессы и сдвиги типов социальных субъектов). Сформулирован ряд базовых динамических принципов, связывающих ментальные и социальные процессы.

Ключевые слова: связь ментального и социального, социальные институты, интерактивные ритуалы, габитусы, фреймы, идентичности, символы, поведенческие стереотипы, социальные иерархии, социальные сети, рынки, типы ресурсов, закономерности социальной и ментальной динамики

Социальное и ментальное — проблема взаимодействия

Ценности и смыслы, идеи и идеалы, убеждения и мировоззрения, национальный характер и менталитет — все эти культурные и ментальные материи, с одной стороны, декларативно объявляются тесно связанными с социальными реалиями, историческим контекстом, общественным бытием, с другой стороны, изучаются в гуманитарных науках в качестве вполне автономного, почти «платонического» мира.

В лучшем случае имеют место спорадические указания на какие-то частные соответствия между культурными и социальными явлениями, причем не названной, но «вечно живой» оказывается ленинская теория отражения. В то же время в современной мировой науке, прежде всего в социологии, антропо-

логии, политологии накоплен богатый идейный потенциал, почти не используемый в отечественных гуманитарных штудиях.

В данной работе поставлена задача разработки понятийного аппарата для систематического изучения взаимодействий между социальной и ментальной (объединяющей культурное и психическое) сферами, с упором на разнообразие типов, разномасштабность и изменчивость компонентов, на механизмы и закономерности их динамики.

Большинство понятийных аппаратов в социологии и других социальных науках обладают двумя недостатками: они статичны и относятся лишь к частному социальному масштабу (либо про индивидов, либо про группы, либо про организации и институты, либо про слои, сословия, классы, либо про общества и цивилизации). Нам же понадобится сквозная система понятий от ультра- микро- (взаимодействия «здесь и сейчас») к обществу и международным взаимодействиям.

При построении аппарата будем придерживаться следующих правил:

- ключевые понятия строятся как переменные, включающие множество значений, поскольку социальную и историческую динамику составляют именно изменения значений;
- принимаются во внимание все типы взаимодействий в иерархии социальных масштабов: часть воздействует на целое, целое воздействует на часть, части взаимодействуют внутри целого, часть одного целого воздействует на часть другого целого и т.д.

Поведение и габитусы

Социальная динамика (равно как и обобщающая ее историческая динамика) задается человеческим поведением. Главную роль играет поведение сплоченных групп, также значимы формы массового поведения, однако зачастую существенным оказывается поведение отдельных индивидов (властителей, духовных лидеров и т.д.). В поведении удобно выделять *практики* как стереотипные, повторяющиеся действия, и *стратегии* как целенаправленные, поступательные ряды действий.

Практики и стратегии настолько разнообразны, что затруднительно выделить инвариантные параметры. В качестве первого приближения зафиксируем следующие:

- направленность на различные типы целей, ценности, ориентиры (далее — *символы*);
- характер взаимодействия с другими людьми и группами (кооперация, конфликт, обмен, состязание);
- отношение к правилам, ожиданиям охватывающих *институтов* и *сообществ*; значимые следствия для них;
- характер получения и использования *ресурсов*.

Чем определяется поведение индивидов и групп? В психологии и социологии накоплено огромное разнообразие разноречивых ответов на этот

вопрос. Общее согласие достигнуто относительно значимости *установок* как осознаваемых или неосознаваемых ранее сформированных управляющих психических образований. В современной социологии есть категория, позволяющая комплексировать установки разного рода.

Габитусы (термин П. Бурдьё), характерные для разных индивидов, социальных групп и слоев, понимаются здесь как устойчивые комплексы следующих типов установок:

- познавательные установки — *фреймы*,
- ценностные установки — *символы*,
- установки самовосприятия — *идентичности*,
- поведенческие установки — *стереотипы практик, принимаемые стратегии*.

Фреймы — когнитивные структуры для схематизации опыта, для «определения ситуации» (Дж. Мид, Г. Блумер), т.е. для осмысления явлений социального окружения через подведение происходящего под знакомое и привычное; фреймы обычно не осознаются, а во внешних появлениях варьируют от произнесения общеизвестных максим и поговорок в качестве оснований отношения или действия до словесного истолкования своего или чужого положения и поведения в конкретном случае (М. Минский, Г. Бейтсон, И. Гофман). Динамика задается *рефреймингом* — когда актуальными, используемыми для осмысления происходящего становятся иные (обычно латентные ранее) фреймы. Так, в социальной и исторической динамике России наиболее значимы смены фреймов относительно следующих сфер отношений:

- государство-власть / индивид-воля,
- долг-служение / успех—благосостояние,
- свои/чужие,
- идеалы/выгода,
- Россия/Запад.

Символы (ментальные) — принимаемые индивидом или группой религиозные, морально-политические и/или идеологические святыни, идеи, идеалы, принципы, ценности (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Коллинз). Обычно символы так или иначе включены во фреймы.

Конкретные сочетания фреймов и символов (они же когнитивные установки, или установки сознания) включают важнейшие для нашей темы *мировоззренческие установки*, касающиеся отношений к окружающим людям, обществу, стране, государству, политике, жизни и т.д.

Идентичности — это представления человека, группы, сообщества о своем месте в социальном окружении, понятом через тот или иной комплекс *фреймов* и *установок*, это принимаемые *роли* в основных жизненных сферах, а также характер отнесения себя к принимаемым *символам* (Дж. Мид, Ч. Кули, Э. Эриксон, И. Гофман).

Поведенческие стереотипы — это управляющие психические структуры, тесно связанные с принятыми *фреймами*, *символами*, *мировоззренческими ус-*

тановками и идентичностями, программирующие социальное поведение актора — его повторяющиеся, рутинные *практики* и целенаправленные, поступательные *стратегии*, включающие разного рода деятельности (В. Томас, Ф. Знанецкий, Г. Олпорт, Дм. Узнадзе).

В каждом обществе имеется разнообразие габитусов. Однако в этом разнообразии всегда есть инварианты, совокупность которых составляет менталитет. Его можно определить и по-другому.

Менталитет — совокупность наиболее распространенных в диахронном (продолжающемся во многих поколениях) сообществе осознанных или неосознанных *фреймов* (познавательных схем), *символов* (святынь, идеалов, ценностей, принципов), а также объединяющих их *мировоззренческих установок* (эти составляющие далее будем называть *ментальными компонентами*). Соответственно, можно говорить об этническом менталитете (русском, татарском, еврейском) и о национальном менталитете (российском, британском, французском, американском и т.д.).

Национальный характер — совокупность внешних проявлений национального менталитета, наблюдаемых свойств представителей соответствующей общности, как правило, в сравнении и по контрасту с другими национальными общностями. Национальный характер относится к национальному менталитету примерно как фенотип к генотипу, как культурные артефакты — к ядерным культурным образцам (архетипам), как воспринимаемая непосредственно речь — к реконструируемым базовым структурам языка.

Интерактивные ритуалы — механизм формирования и подкрепления габитусов

В многочисленных концепциях социализации и аккультурации есть непреложная общая истина. В психике человека интериоризируются образцы охватывающего сообщества, его кругов и элементов повседневной жизнедеятельности (семьи, школы, друзей, соседей, коллег, содержания прочитанных книг, просмотренных кинофильмов и т.д. А что же играет формообразующую роль? В этом пункте мы берем на вооружение две, казалось бы, различные и даже несовместимые концепции: теорию интерактивных ритуалов (традиция Э. Дюркгейма, И. Гофмана, В. Уарнера и Р. Коллинза) и теорию оперантного обусловливания (подкрепления) в классической версии Б.Ф. Скиннера.

Речь далее пойдет не о ритуалах как пустых, формальных церемониях, в которых люди участвуют поневоле и которые их никак эмоционально не затрагивают, разве что раздражают. Речь пойдет только о значимых для участников *интерактивных ритуалах* — всех эмоционально внушительных взаимодействиях между индивидами в ситуациях «здесь и сейчас», в результате которых как раз меняются или подкрепляются элементы габитусов участников: их установки сознания, идентичности и поведенческие стереотипы [1; 2, гл. 1; 6].

Семейный скандал и душевный разговор с матерью, живое обсуждение событий в кругу сверстников, западающие в душу речи учителей, про-

поведников, политиков, чтение книг и просмотр фильмов, производящих потрясающее впечатление, меняющих взгляд на мир и на самого себя, драматические столкновения на работе с начальством, коллегами, подчиненными, опыт столкновения с государственными структурами: чиновниками, милицией, судом — вот некоторые примеры ритуалов, в ходе которых формируются и трансформируются габитусы участников.

В каждый такой ритуал человек вступает с накопленным багажом ментальных компонентов: фреймов, символов и установок. Либо реально, либо в воображении он опробует себя, приняв ту или иную идентичность, реализовав ту или иную поведенческую модель. Кроме того, вступая в ситуацию ритуала, человек вовсе не обязательно сразу четко осмысляет ее, особенно в новых, непривычных ритуалах. Обычно у него есть наготове несколько латентных фреймов, ролей и способов поведения, так что их он тоже опробует.

Допустим, он «попал в точку», верно определил ситуацию, показал свою приверженность самым значимым для остальных участников символам, принял нужный образ-идентичность, взял верный тон речи, реализовал одобряемую окружением поведенческую стратегию. Тогда он попадает в центр внимания, его эмоциональная энергия, моральное чувство и самооценка резко повышаются, он преисполняется гордости и энтузиазма. Смело можно утверждать, что все *положительно подкрепленные* таким образом и поведенческие стереотипы, и элементы менталитета утвердятся в его душе (психике, личности, кому как нравится) в качестве установок — основ формирующегося габитуса.

В обратном случае, когда человека игнорируют, высмеивают либо даже изгоняют, ему обидно отказывают, что-то важное запрещают и т.д., происходит шок, фрустрация и *отрицательное подкрепление*, особенно болезненное для его идентичности, для связи с данной социальной группой и ее символами. Либо он будет искать другие группы и другие ритуалы, либо существенно переменит свои установки и поведенческие стереотипы, чтобы взять реванш в той же группе. Повторяющееся отрицательное подкрепление того или иного ментального элемента во всех группах и ритуалах скорее всего подавит его, устранив из числа актуальных или даже латентных установок.

Понятно, что основная масса ритуалов и их эффектов располагается между этими «идеальными» полюсами, но принципы подкрепления и формирования габитусов действуют примерно указанным выше образом.

Итак, поведение людей объясняется их габитусами, а габитусы складываются и подкрепляются в интерактивных ритуалах. Почему же формируются именно такие, а не другие ритуалы?

Социальные институты и обеспечивающие сообщества

Сами ритуалы отчасти складываются из стереотипных практик, поведенческих актов и реакций участников, отчасти организуются ими как важная сфера социальных практик и стратегий. Главную роль в форми-

ровании габитусов играют не разовые случайные, а повторяющиеся ритуалы, за которыми всегда стоит некоторое *сообщество* и/или *институт*: семья, школа, армия, родственники, друзья, сослуживцы, соседи, начальство, представители государственных учреждений и т.д.

Обеспечивающее сообщество для индивида — та социальная группа, благодаря которой он обретает и сохраняет безопасность, социальное положение, эмоциональный комфорт и основной доход [ср.: 5, р. 368—370]. В социологических терминах обеспечивающее сообщество является одновременно группой членства (с регулярными ритуалами — встречами, взаимодействиями, собраниями) и референтной группой (носителем эталонных норм) [4].

Социальный институт — это регулирующий какую-либо из сторон человеческой жизнедеятельности устойчивый комплекс *позиций* (институциональных ролей по отношению к другим ролям), связанных с ними *статусов* в престиже, причастности к (институциональным) *символам* и доступе к *ресурсам* разного рода, а также предписывающих и ограничивающих *правил* поведения и взаимодействия между людьми, занимающими эти позиции.

По сути дела, институт — это не что иное, как закрепление (формальное или неформальное) определенной *структуры позиций в ряде ритуалов на протяжении относительно долгого периода времени*. Стать мужем в институте брака, священником в институте церкви, руководителем отдела в институтах фирмы или государственного учреждения, начальником батальона в институте армии и т.д. — значит, *обусловить вполне определенные роли в длинных сериях последующих ритуальных действий*, сопряженные с поведенческими стереотипами и подконтрольные ожиданиям окружающих, владеющих обычно тем же институциональным фреймом (схемой позиций, ожидаемого взаимодействия и т.д.).

Обеспечивающие сообщества обычно возникают в рамках тех или иных институтов (семья, дружба, соседство, работа, церковь). Некоторые сообщества с большими эмоционально-энергетическими, символическими и организационными ресурсами способны создавать новые неформальные и даже формальные институты (всевозможные добровольные ассоциации, общественные движения, политические партии, новые коммерческие фирмы, негосударственные организации и государственные учреждения). При наличии ресурсной базы и налаженном механизме воспроизводства такой институт продолжается в поколениях и сам становится основой для обеспечивающих сообществ.

Родовое понятие для сообщества — группа. Что же является родом для социального института? Здесь возникает сложность, указывающая на неоднозначность термина. Такие институты, как государство, армия, церковь, система здравоохранения, система образования, судебная система и т.д., представляют собой *формализованные управленческие иерархии сообществ*. Такие институты, как брак, семья, родство, школа, дружба, приятельство,

***Ритуалы, институты и ресурсы:
социальные основы трансформации менталитета***

любовь, соседство, воинское или морское братство, суд и проч., уже не являются совокупностями сообществ. Они представляют собой инвариантные *когнитивные схемы* с фиксированными позициями, связями, правилами и ожиданиями. Таким образом, данные институты являются *фреймами*, общими для всех тех, кто с ними имеет дело, участвует в них. Иногда это различие является значимым, тогда следует говорить об *институтах-иерархиях* и *институтах-фреймах*.

Сообщества и институты — сложные многогранные целостности, способные изменяться по многим параметрам. Для простоты будем далее говорить о сообществах, имея в виду, что долго живущие сообщества обычно так или иначе институализированы. Отметим только наиболее значимые переменные для социальной и исторической динамики:

- ресурсная обеспеченность сообществ, соответствующие расширения или сокращения позиций, смена их привлекательности;
- уровень жесткости правил, контроля, санкций сообщества по отношению к мировоззрению, идентичности, поведению участников;
- характер и интенсивность вертикальной мобильности в сообществе, критерии, согласно которым можно занять более высокую позицию.

Социальная ниша — это совокупность однотипных позиций (ролей, мест), которые индивид занимает или может занять в социальном институте (*институциональная ниша*) или в обеспечивающем сообществе (*групповая ниша*). Вполне очевидно, что эмоциональный комфорт индивидов, общая устойчивость институтов и обеспечивающих сообществ связаны с тем, *насколько соответствуют друг другу или противоречат друг другу* занимаемые каждым индивидом ниши, соответствующий статус и его же идентичности, связанные с принимаемыми символами.

Здравый смысл, житейский опыт и марксистский бэкграунд уверенно говорят нам, что мотивацию, интересы, установки и саму личность человека во многом определяют воспитание и образование, классовая принадлежность (владение собственностью и способы получения дохода), семейное положение, место в разных иерархиях, перспективы и риски, связанные с престижем, служебной карьерой, и т.д. Как все это соотносится с институтами и ритуалами?

Несложно увидеть, что все вышесказанное относится к *занятию тех или иных социальных ниш*. Но каждое занятие ниши — это не столько получение доступа к ресурсам, сколько *вхождение в определенные типы ритуалов в новой роли*, что, собственно и означает обретение соответствующего институционального статуса. Более того, сами ресурсы (деньги, материальные ценности, полномочия, знания и умения) нужны и применяются в дальнейшем не для чего-нибудь, а именно *для укрепления позиций в новых ритуалах и нишах* [6]. Таким же образом изгнание из сообщества, увольнение с работы, развод, потеря жилья, арест и тюремное заключение — это всегда уход из ранее

занимаемой институциональной ниши, соответствующее *закрытие доступа к множеству ритуалов* (по крайней мере, в той же роли), а иногда и принуждение к новым ритуалам, причем в низкостатусной и страдательной позиции.

Итак, совокупность рутинных процессов в институтах и сообществах образует *социальный режим* национального государства (в том числе полиэтнического, как Россия), а совокупность инвариантных свойств в разнообразии габитусов — *национальный менталитет*. Оба инерционны, оба изменчивы и находятся в теснейшей динамической взаимосвязи между собой, которую далее мы и будем исследовать.

Макросоциальные структуры

Традиционно к уровню микро относят индивидов, к *нижнему мезо* — малые группы (в том числе семьи), к *среднему мезо* — роды, кланы, организации, к *верхнему мезо* — институты, большие социальные группы и слои (страты, классы, сословия), провинции, к *макро* — общества.

Каждый интерактивный ритуал, происходящий «здесь и сейчас», — это уровень *ультра-микро*. Однако комплексы, серии ритуалов правильнее относить к уровню участвующего сообщества: например, семейный обед — *нижнее мезо*, собрание в организации — *среднее мезо*, общий профессиональный праздник — *верхнее мезо*, общенациональный праздник, популярный футбольный матч, который смотрит почти вся страна, имеет характеристики ритуала на уровне *макро*.

Три типа социальных структур распределены по все уровням:

- *социальные иерархии* (в государственном управлении, в армии, в церкви),
- *рынки в широком смысле* (товаров, акций, кредитов, труда, привилегий, административных и коррупционных услуг, брачные рынки и т.д.),
- *социальные сети* (профессиональные, дружеские, этнические).

Принадлежность к тому или иному уровню какой-либо иерархии тесно связана с доступными рынками (как правило, открытыми далеко не для всех) и определенными сегментами социальных сетей. Иерархии и рынки, как правило, институализированы, а социальные сети полны «сгустков» — обеспечивающих сообществ. Очевидно также, что все это сложное взаимодействие и функционирование осуществляется через серии интерактивных ритуалов разного уровня. Другая, весьма значимая сторона — движение ресурсов.

Согласно веберрианской схеме М. Манна выделяем четыре главных типа ресурсов (источника господства):

- *политические* (властные полномочия, легитимность, лидерство, различные способы навязывания своей воли);
- *экономические* (возможности распределения и обмена благ);
- *символические* (воздействие через авторитет, информацию, пропаганду),
- *силовые* (военная организация и вооружения, способность их применять силу и угрожать) [7; 8].

***Ритуалы, институты и ресурсы:
социальные основы трансформации менталитета***

Следует выделить также отдельные *социальные ресурсы* (поддержка и солидарность, готовность к разного рода помощи). Социальные ресурсы используются главным образом в неформальных сообществах и сетях. Они нередко включают экономическую поддержку, иногда силовую и/или связанную с навязыванием политической воли (см. выше), но главным образом включают эмоциональные связи солидарности, информационный и ценностный обмен, формирование общего чувства реальности, общих интересов, единства, готовность к совместным действиям.

В иерархиях главными ритуалами являются принятие решений, приказы, предоставление полномочий и ресурсов, отчеты о выполнении. Как правило, происходит централизация, сосредоточение и перераспределение ресурсов в целях контроля высших звеньев над низшими. В то же время в некоторых общественных системах могут быть институализированы отношения между разными иерархиями (разделение властей), институализированы формы контроля низших иерархических уровней над высшими (выборы, общественный контроль и т.п.).

Главными ритуалами *рынков* являются переговоры (торг) и сделки, суть которых в обмене ресурсами, в том числе разнородными.

Основные ритуалы *социальных сетей* направлены, собственно, на поддержание связей. Поэтому главными ресурсами сетей следует считать символические ресурсы (обмен информацией, распространение ценностей) и социальные ресурсы солидарности. Обеспечивающие сообщества соединяются между собой именно через сети. Многие рыночные обмены происходят в сетевых каналах. Через сети производится мобилизация в новые сообщества, рекрутируются члены растущих иерархий.

На рис. 1 представлена структурная схема концепции динамического взаимодействия менталитета, габитусов, сообществ, сетей и институтов через центральное звено — серии интерактивных ритуалов.

**Различение и взаимосвязь
социальной и ментальной динамики**

Все социальные структуры реальны и действуют лишь постольку, поскольку движимы поведением людей, занимающих свои позиции в этих структурах. Это поведение непосредственно управляется психическими установками, а в целом — габитусами, фреймы и символы которых фундированы передающимися из поколения в поколение культурными образцами, в том числе наиболее глубокими и инерционными — этническими и цивилизационными архетипами. Появившиеся новые символы и фреймы могут со временем вытеснять прежние, замещать их в процессах межпоколенной трансляции — так происходит эволюция культурных образцов. Происходят также смены архетипов, что уже означает глубокий культурно-цивилизационный сдвиг.

**Ритуалы, институты и ресурсы:
социальные основы трансформации менталитета**

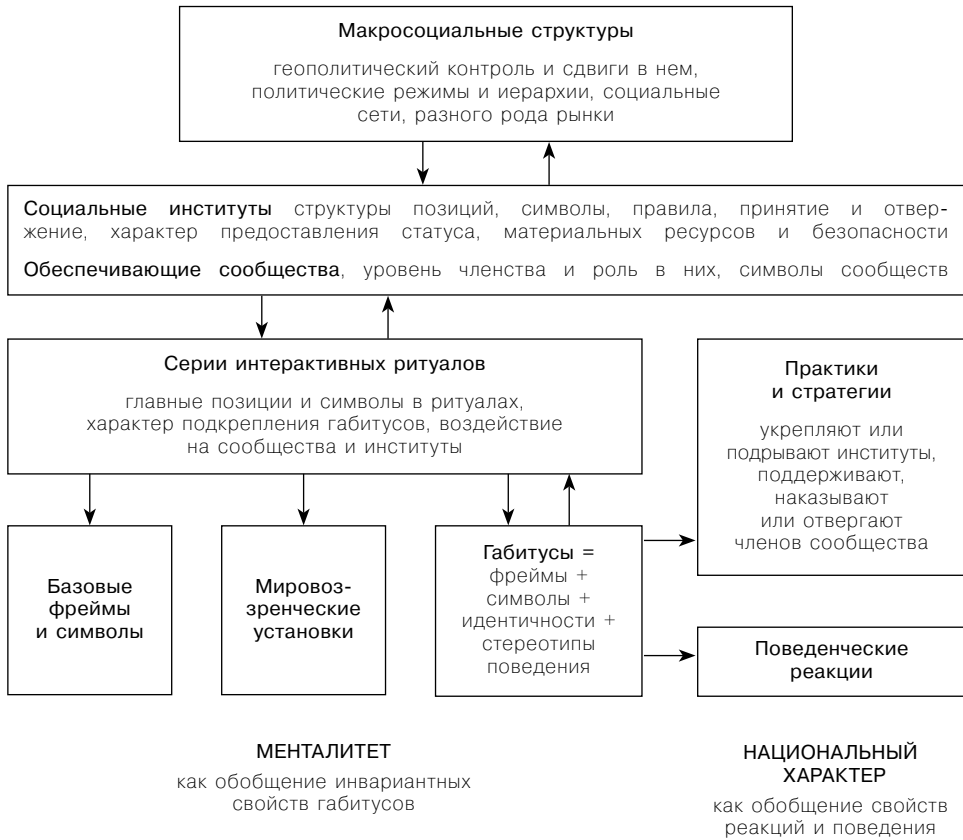

Рис. 1. Структурная схема общей концепции динамического взаимодействия ментальных и социальных компонентов

Объединим более подвижные изменения габитусов, которые могут происходить в течение жизни одного поколения, и более медленные изменения культурных образцов на протяжении двух и более поколений в единую категорию — *ментальную динамику*.

Очевидны теснейшая связь и взаимное обусловливание социальной и ментальной динамик. Вначале рассмотрим каждую динамику по отдельности, а затем сформулируем основные принципы этой взаимосвязи.

Общие закономерности социальной динамики

Под *социальной динамикой* здесь и далее будем понимать совокупность закономерностей и механизмов изменения различных социальных структур. Сосредоточимся на структурах, наиболее значимых в социально-политической сфере, — на институтах и сообществах (в том числе формальных и неформальных организациях, иерархиях позиций и организаций).

*Ритуалы, институты и ресурсы:
социальные основы трансформации менталитета*

Семьи, рынки, социальные сети имеют свою динамику, которая требует самостоятельного исследования и здесь не рассматривается.

Далее речь пойдет об индивидах, группах, организациях — всех тех, кто обладает субъектностью, т.е. способен целенаправленно действовать как одно целое. Для простоты будем называть разные типы таких субъектов *актерами*.

Принцип соответствия между институциональными ресурсами и численностью сообществ. Расширение институтов, рост их ресурсной базы выражается в появлении новых и новых обеспечивающих сообществ и/или в росте «вакантных позиций» в них. При сжатию институтов, сокращении или утере ими ресурсной базы, напротив, обеспечивающие сообщества либо распадаются, либо изгоняют кого-то, сокращаются, повышают «ценз принятия», либо вовсе принимают новую институциональную форму.

На микроуровне это может выражаться, например, в том, что в прежней сфере занятости, прежней организации человек оказывается лишенным перспектив продвижения, либо вовсе теряет работу, зато в других сферах может оказаться востребованным.

Принцип накопления и защиты ресурсов. Актеры, как правило, стремятся наращивать, сохранять и защищать ресурсы, значимые для занимаемых позиций в социальных структурах (обеспечивающих сообществах, иерархиях, рынках, сетях). Значимость того или иного ресурса задается самой позицией — правилами и ожиданиями поведения в ней, ролью в ритуалах, возможностями обмена и т.п. Этот принцип, с одной стороны, расширяет известный экономический принцип «максимизации полезности», с другой стороны, уточняет его в структурном плане — через спецификацию ресурсов по социальным позициям.

Принцип дополнения ресурсов. Актер, накопивший значительный ресурс одного типа, как правило, стремится дополнить его ресурсами других типов. Согласно этому принципу:

- разбогатевшие стремятся повысить свой престиж и обрести власть,
- прославленные ищут способы конвертировать славу во власть и богатство,
- получившие большую власть обычно используют ее для обеспечения своего престижа (популярности, признания, легитимности), обеспечения «достойных» доходов, а при институциональных возможностях сохранить власть надолго, передать наследникам, — наращивают вооруженную силу для ее защиты.

Данный принцип можно считать как результатом эмпирических обобщений, так и результатом синтеза предыдущего принципа с идеей комплексности поддержки социальных структур и высоких позиций — целей состязательных и конфликтных стратегий. Действительно, для надежной защиты таких позиций нужны ресурсы всех типов: *политические* (иерархии власти и подчинения), *экономические* (богатство, возможность распре-

делять, одаривать, обменивать блага), *символические* (престиж, статус, признание причастности к сакральным объектам), *силовые* (организованные и вооруженные группы, способные отражать и применять физическое насилие), *социальные* (популярность, солидарность, поддержка).

Принцип преследования и неизбежности дефицитов. Согласно ментальному принципу повышения привлекательности символов и позиций, связанных с дефицитами (см. выше) происходит закономерное перенаправление сил и энергии к получению дефицитных ресурсов и благ. В одних ресурсных условиях оно увеличивает число и масштаб ресурсов и благ, превращает их из дефицитных в стандартные (что ведет к появлению новых дефицитов, см. выше принцип развертывания потребностей). Пример — массовое производство бытовой техники. В других ресурсных условиях перенаправление сил и энергии к получению дефицитных благ только усугубляет их дефицитность (редкие знаменитые произведения искусства, драгоценные камни, престижные земли в центре города и т.д.). Классические экономические закономерности расширения предложения на спрос, перетока инвестиций, снижения нормы прибыли и проч. являются частными конкретизациями указанного принципа. Таким образом, дефициты даже если на какое-то время исчезают, то скоро вновь возникают, в той же или другой форме. «Пряников сладких всегда не хватает на всех» (Б. Окуджава).

Общие закономерности ментальной динамики

Под *ментальной динамикой* будем понимать закономерности и механизмы изменения культурных и психических компонентов сознания и поведения индивидов и групп. В рамках нашего понятийного аппарата главными компонентами менталитета являются габитусы, объединяющие разнородные установки: фреймы (когнитивные схемы), символы, мировоззренческие установки, идентичности и поведенческие стереотипы. Наиболее значимыми для ментальной динамики культурными компонентами являются глубинные, архетипические фреймы и символы, передающиеся из поколения в поколение и фундирующие множественные (в том числе противостоящие друг другу) установки сознания и поведения.

Как правило, социально значимые компоненты габитусов формируются в период 12—25 лет, который будем называть сензитивным. Позднейшие существенные изменения (рефрейминги), как правило, связаны с личными кризисами и/или радикальным изменением социальной позиции и социального окружения: браком или разводом, переездом или эмиграцией, вхождением в значимое обеспечивающее сообщество или выходом из него, карьерным взлетом или падением и т.д.

Габитусы формируются в сериях интерактивных ритуалов, в которых подростком и затем юношей (девушкой) воспринимаются и опробуются различные варианты фреймов, символов, идентичностей и поведенческих стереотипов. Здесь одновременно действуют несколько принципов, при-

чем в разных обществах и в разных исторических периодах значимость этих принципов относительно формирования габитусов существенно меняется.

- *Принцип восприятия установок обеспечивающего сообщества.* Каждый индивид, участвующий в своем сензитивном периоде во внушительных, эмоционально насыщенных ритуалах своего обеспечивающего сообщества (особенно безальтернативного), обычно воспринимает (интериоризует) основные фреймы и символы данного сообщества, прежде всего его высшей, лидирующей страты, принимает те или иные предлагаемые ему в этих ритуалах идентичности и поведенческие стереотипы. Этот принцип хорошо известен в социологии групповой динамики, тесно связан с феноменами группового давления, влияния референтных групп и т.д. (Г. Хаймен, К. Левин, Р. Мертон и др.) (см. коммент. 1). Данный принцип задает однотипность, инвариантность габитусов всех тех, кто принадлежит одному обеспечивающему сообществу.
- *Принцип подкрепления габитуса как основы самопрезентации в ритуалах.* В разных сообществах ритуальному подкреплению подлежат самые разные характеристики облика, внешних атрибутов и поведения участников: от знания классических текстов, политических событий, новинок музыки, кино или свежих анекдотов до стильности и дороговизны одежды, марки автомобиля и места летнего отдыха. Соответственно, в перерывах между ритуалами индивиды склонны так строить свою жизненную стратегию (обретать соответствующие идентичности, осваивать формы поведения), чтобы на основе имеющихся или доступных ресурсов продвигаться в направлениях к целям, заданным этим ритуальным подкреплением. Поскольку способности, ресурсы и возможности у разных людей разные, этот принцип позволяет объяснять существенные различия габитусов у членов одного сообщества.
- *Принцип референтной группы и перспективного образца как ориентира жизненного пути.* Среди доступных альтернатив каждый индивид в течение сензитивного периода, как правило, выбирает либо референтную группу (иногда отдаленную и даже воображаемую), либо человека старшего поколения в качестве носителей символов, ориентиров для собственной идентичности, программирующих основные жизненные стратегии (в профессии, карьере, личной и семейной жизни, образе жизни и проч.). Механизмы выбора таких референтов-эталонов многообразны и сложны. С уверенностью можно утверждать значимость ранее обретенных фреймов, символов и идентичностей, а также серии эмоционально внушительных ритуалов, в которых та или иная группа или лицо приобретают столь важную роль.

- *Принцип макрособытий в формировании поколенческого разнообразия габитусов.* Данный принцип имеет большое значение для нашей темы, поскольку позволяет связать крупные исторические явления с формированием разнообразия габитусов в рамках одного поколения (см. коммент. 2). Среди ритуалов сензитивного периода крайне важными являются обсуждения наиболее громких событий в стране и культурно значимых других странах. В этих обсуждениях воспринимаются из внешнего мира (сетей, иерархий, пропаганды) и перерабатываются квалификации данных событий, совмещаются с актуализируемыми культурными архетипами, воплощаются во фреймы и символы, принимаемые участниками обсуждений, а также в их идентичности и поведенческие стереотипы относительно событий такого рода.
- *Принцип идентичности как компромисса.* Идентичность и габитус каждого индивида выстраиваются в сериях ритуалов в качестве компромисса между желаемой степенью причастности главным принимаемым символам, желаемой высотой социальной позиции в отношении к другим позициям, с одной стороны, и реальной занимаемой ролью в ритуалах, в характере каждодневной деятельности, относительным общественным признанием заслуг и величиной вознаграждения, с другой стороны.
- *Принцип развертывания потребностей — порождения дефицитов.* Стабильный уровень потребления и признания с течением времени начинает считаться само собой разумеющимся, перестает приносить радость, вследствие чего усиливается мотивация повышения этого уровня, обретения более редких, дорогих, экзотических благ, более престижных регалий и т.п. (ср. с «законом возвышения потребностей» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Немецкая идеология»). Таким образом, даже в условиях стабильного порядка и удовлетворения потребностей человеческая природа такова, что возникают новые и новые дефициты.
- *Принцип влияния дефицитов на значимость и привлекательность связанных с ними символов и позиций.* При росте внешней опасности повышается роль и престиж военных, при росте мятежей и преступности — роль и престиж сил правопорядка, при дефиците заморских товаров — роль и престиж поставщиков импорта и т.д. Соответственно происходит закономерное перенаправление сил и энергии либо прямо к занятию этих позиций, к получению дефицитных ресурсов и благ, либо к поддержке их источников.
- *Принцип фрустрации как источника рефрейминга и смены габитуса.* Длительная абсолютная или относительная депривация (низкое признание и вознаграждение в сравнении с ожидаемым), неудовлетворение потребностей, закрытие доступа к желаемым дефицит-

ным, тем более считающимся стандартными благам и позициям ведут к кризису идентичности, разочарованию в прежних символах, фреймах, привычных практиках и стратегиях, к переосмыслению окружающего социального мира и своей роли в нем — к кризису идентичности, рефреймингу и смене габитуса. Как правило, это сопровождается подъемом нового типа ритуалов и формированием новых сообществ, в том числе агрессивных и радикальных в отношении к политическому режиму, правящим и влиятельным группам. Последующие социальные кризисы, пертурбации образуют макрособытия, вокруг обсуждения которых выстраиваются габитусы подрастающих поколений (см. выше).

Закономерности взаимодействия менталитета и социальных структур

Принцип зависимости габитуса от ритуальной и институциональной позиции. Чем объясняется существенное разнообразие габитусов, формирующихся в одном и том же обеспечивающем сообществе, в одних и тех же интерактивных ритуалах?

Иногда бывает достаточно объяснения в различии институциональных позиций, которые занимают в ритуалах их участники: одни всегда в центре внимания, другие рядом с ними, третьи составляют более или менее пассивное большинство, четвертые отвержены, подвергаются критике или осмеянию.

Кроме этой простейшей структуры есть огромное разнообразие институционализированных позиционных структур в разных ритуалах: докладчик, оппонент и публика, истец, ответчик, адвокат, прокурор и судья, заказчик и подрядчик, кредитор и просящий кредита, даритель и одариваемый, начальник, тот, кто отчитывается по работе, и остальные подчиненные, мужчина, ухаживающий за женщиной, отец, отчитывающийся за поступок сына, и т.д. и т.п.

Очевидно, что каждому такому типу ритуалов соответствует некий фрейм, он единый среди участников, если они одинаково осмысливают ситуацию. Зато *идентичности* (субъективно занимаемые позиции в данном фрейме) существенно различаются. Соответственно, подкрепляются и формируются в этих ритуалах разные отношения к символам и разные поведенческие стереотипы.

Принцип нарушения социально-ментального равновесия. Последнее понимается как соответствие между габитусом актора и занимаемой им позицией в социальной структуре (сообществе, институте, иерархии). Соответствие имеет место тогда, когда фреймы, символы, идентичность, практики и стратегии актора позволяют ему без особого насилия над собой занимать свою социальную позицию, нишу, выполнять соответствующие правила, отвечать ожиданиям, использовать ресурсы и т.д. Соответствие нару-

шается либо при изменении габитуса актора (вследствие участия в новых ритуалах произошел рефрейминг, поменялись символы и идентичности — «смена веры», см. выше принципы ментальной динамики), либо при дефиците ресурсов для позиции, при сужении ниши, «выталкивании» из нее актора (см. ниже принцип вытеснения). Последнее обычно происходит в результате макропроцессов: при смещении ресурсов из одной сферы в другие, при динамике рынков, при геополитических и геоэкономических сдвигах, а также как следствия восстановления равновесия другими акторами (см. ниже).

Потеря социально-ментального равновесия всегда приводит субъективно к дискомфорту актора, а объективно — к неустойчивости, уменьшению порядка и росту хаоса (когда малые воздействия начинают играть все большую роль — приводить ко все более значимым последствиям). Единичные случаи утери равновесия, как правило, быстро ведут к его восстановлению через механизмы социального контроля. Множественные случаи после какого-то критического предела приводят к новым встречам, новым ритуалам, складыванию новых сообществ и сетей недовольных к конфликтным стратегиям, эскалации утери равновесия — кризису.

Принцип институционального вытеснения. Главной причиной рефрейминга и смены габитуса у актора является фрустрация и длительная относительная депривация (см. выше), в основе которых лежит сужение его прежней социальной ниши в сочетании с появлением, расширением и ростом привлекательности новой ниши, требующей нового габитуса (нового фрейма, новой идентичности, новых стратегий и практик). При вытеснении чаще всего актуальный габитус сменяется латентным внутри того же менталитета.

Принцип восстановления социально-ментального равновесия. За редкими исключениями акторы предпочитают занимать устойчивые, ресурсно обеспеченные позиции, соответственно — снижать неустойчивость и восстанавливать равновесие. Способы восстановления многообразны, зависят от соотношения ресурсов актора и охватывающего, контролирующего сообщества, а также от глубины кризиса. При слабом акторе и сильном сообществе актер либо смиряется с новыми рамками, либо уходит и ищет новую нишу. Сильный актер, при условии составления успешной коалиции с влиятельными членами охватывающего сообщества, способен подстроить занимаемую позицию «под себя», создать для себя новую позицию и т.д. При глубоких кризисах прежние формальные институты и сообщества разрушаются, наиболее успешные акторы, захватившие большую долю ресурсов, выстраивают новые институты на основе символов, фреймов, социальных связей и сетей своих мобилизационных сообществ.

Принцип ритуально-групповой основы для появления нового габитуса. При рефрейминге человек совершает переход не к латентному, а к новому для

данного менталитета габитусу только при наличии всех ниже перечисленных условий:

- а) новые символы и фреймы уже присутствуют в дискурсе, циркулируют в общественном сознании (в публицистике, речах лидеров, бытовых обсуждениях);
- б) появляются группы с регулярными ритуалами, актуализирующими данные фреймы и символы, предлагающие новые идентичности и поведенческие стереотипы, обещающие более привлекательные статус, гарантии безопасности и способы получения дохода;
- в) человек получает членство в такой группе, получает надежные статус, безопасность и доход, регулярно и активно участвует в ритуалах.

Какова общая связь между всеми тремя рассмотренными выше сферами динамики?

Действия и стратегии акторов, массовые практики больших групп населения, которые определяют их габитусами и погруженностью в социальные структуры, ведут к накоплению изменений в продовольственном потенциале, более широко — в экономическом, военном, административном потенциале, а также в ресурсном балансе — распределении этих ресурсов между государством, элитами и народом, соответствующими институтами, сообществами, акторами. При ресурсных перераспределениях одни институты и сообщества расширяются, другие сокращаются. При общих подъемах и расцветах почти все они расширяются, а при кризисах — многие сокращаются. Согласно принципам социальной и ментальной динамики происходят драматические рефрейминги, смена габитусов, трансформация институтов и сообществ, появление новых, замещение прежних. При установлении нового ресурсного баланса и социально-ментального равновесия наступает относительная стабильность, однако новые массовые практики больших групп и стратегии акторов ведут к новым дефицитам, новым ресурсным сдвигам и цикл повторяется.

Итак, на основе построенного понятийного аппарата можно не только выявлять закономерности взаимосвязи между социальными и ментальными явлениями, но также раскрывать механизмы исторической динамики, в частности, социально-политических циклов.

Комментарии

1. «Выросшая на теоретической почве, возделанной Джемсом, Кули и Мидом, а также Хайманом, Шерифом и Ньюкомом, гипотеза утверждает, что в той мере, в какой реальные или будущие члены группы мотивированы связывать себя с данной группой, они имеют тенденцию усваивать те чувства и быть конформными к тем ценностям, которые присущи авторитарной и престижной страте в данной группе. От конформности зависит признание со стороны данной группы, в то же время постепенное признание данной группой индивида усиливает тенденцию к конформности. И

ценности этих «значимых других» представляют собой как бы «зеркало», в котором индивид находит представление о себе самом и богатую самооценку» [4, с. 48].

2. Сравните «Для социологического анализа сменяющих друг друга поколений важными представляются прежде всего временные рамки формирования (социализации) определенных возрастных групп, которые приходятся на особо значимые, переломные периоды» [3, с. 41].

Литература

1. *Гофман И.* Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
2. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
3. *Левада Ю.А.* Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 39—60.
4. *Мертон Р.К.* Референтная группа и социальная структура. М., 1991.
5. *Collins R.* Conflict Sociology. N.-Y.: Academic Press, 1975.
6. *Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2004.
7. *Mann, Michael.* The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D.1760, Cambridge Univ.Press, 1987.
8. *Mann, Michael.* The Sources of Social Power.. Vol. II: The Rise of Classes and Nation-States, 1760—1914. Cambridge Univ.Press, 1993.